

ОКЕАН

Душно и тесно, дикая качка,
По-стариковски скрипит такелаж.
И одинокая серая крачка
Кличет опасность на весь экипаж.

Вздыбились волны, хлынули брызги
Синей воды, обступившей борта.
Черные скалы вдали — обелиски
Памяти тех, кто добрался до дна.

Мокрого ветра соленые струи
Будто бы прапор трясут паруса:
Дескать, глядите — что в конскую сбрую
Вас обрядили вон те небеса.

То, что в народе зовется судьбою,
Делало сердце вдвойне холодней.
Стынут, как кровь, упиваясь мольбою,
Сотни матросов в горячке своей.

Были и те, кто молились неслышно,
Так и не вздернув в агонии бровь.
Те — ожидавшие их неподвижно:
Веру, Надежду и божью Любовь.

Три корабля подошли величаво,
Гордым сеченьем равняя волну
И предвещающая судьбою начало
Белой тропы в предрассветную мглу.

Три корабля океан покоряли,
Словно паря над его головой.
А экипажи спеша поднимали
Все паруса по дороге домой.

Солнце взглянуло на мокрые лица
И растопило разжиженный страх.
Часк крикливых неслась вереница
В щедро омытых дождем небесах.

Пенятся волны, смятые ветром,
И далека дорогая земля.
Пусть будет трудно, но истина в этом:
Жизнь — океан, а не трюм корабля.

ПОЛУСТАНОК

В потускневшем от старости замке
Ты ждала своего короля.
А на пыльном седом полустанке
Напевали псалмы тополя.

Разметались по ветру их кроны,
Без обмана судьбе покорясь.
Одинокая в небе ворона
Рассекала свою ипостась.

И сугробились мутные воды
Одичалой, забытой реки,
Трепетавшей под сумрачным сводом
Синей веной рабочей руки.

Но на станции пусто и тихо...
Хоть бы кто-то о Родине спел
И фуражку на голову лихо,
Набекрень, рассмеявшись, надел!

Затянул бы веселую песню
Про солдатскую долю свою
И сердечно поклялся бы честью
Отстоять эту землю в бою!

Подхватил бы он на руки сына,
Мать с женою бы крепко обнял
И — у рта две счастливых морщины —
От любви и тепла просиял.

И под звуки гитары и песен
Полетел бы стремительно вдаль,
Слишком молод, ребячески весел,
Чтобы знать, что такое печаль...

Но на станции тихо и пусто,
Не гремят больше здесь голоса.
А на небе пугающе густо
Разрослись облаков паруса.

И на этих нещадных фрегатах
Унеслись в небытье чьи-то сны
О веселых мужчинах-ребятах,
Не вернувшихся к семьям с войны.

АХМАТОВОЙ

И вечер был. И еле солнце грело
Прозрачный воздух ранней осени.
А настроение все пело, пело
Торжественно-уставшим голосом.

Ахматова! Я слышу Вашу песню!
Я вижу Вашу тень среди ветвей!
И я безумной сражена болезнью:
Я провожаю взглядом голубей.

И серый небосвод вздохнуть не смеет.
О, как же он необратимо сух!
В груди моей все с жадностью немеет,
Когда глубокий вздох лелеет слух.

Ахматова! Ведь этот вздох случайный —
Он Ваш! Он сорван с Ваших тонких губ!
И каждый шаг сей осени отчаянной —
Перстень на пальцах Ваших рук.

Алеет кровь в позолотевших жилах
Расхристанных по ветру бурых куш.
И Ваше имя в бархатных чернилах
Мне обвивает сердце, словно плющ.

Ахматова! Вся эта осень — Ваша!
И с Вашею душой она слилась,
Как красное вино и золотая чаша.
Она под Вашим перстнем родилась.

ЗАИНДЕВЕВШИЙ ХРАМ

Остыла ночь
От долгих жарких дней,
Ушедших прочь,
В былую неизвестность,
Расплавленным стеклом календарей
И канувших в другую бесконечность.

Зажглись огни,
Искусственно дрожа,
Со стороны
Мертвее древних духов,
На деле же — взволнованно дыша
В единстве теплых слов и дальних звуков.

На небе свет
Усталых звезд-зарниц
И много лет
Отчаянно горящих
В огне обсидиановых ресниц,
Разводами хвостов комет блестящих.

Как яркий сон,
Прозрачное стекло,
Что тихий звон
Ссылает в первобытность,
Где прошлого сознание залегло
И где живет родная самобытность,

Лежала ночь,
Раскинувшись крестом,
Землицу-дочь
Крылами обнимая
И тихо напевая пред костром
Балладу о золотых воротах рая.

Студеный дол,
Заиндевший храм,
Седой подол,
Сокрытый во Вселенной,
Рождением обязанный Богам —
Царица-Ночь у власти сокровенной.